

УДК 316.74:2

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНТИХРИСТ»: СЕМИОТИКА МИФОЛОГЕМЫ И ОБРАЗА

© 2018 г.

А.М. Прилуцкий

Прилуцкий Александр Михайлович, д.филос.н.; проф.; профессор кафедры социологии и религиоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
alpril@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 07.07.2017**Статья принята к публикации 23.04.2018*

Статья посвящена изучению специфических герменевтических интерпретаций новозаветного образа антихриста, восходящего к Откровению Иоанна Богослова (Апокалипсису). Показано, что доктрина о политическом антихристе сформировалась по аналогии с учением о духовном антихристе старообрядцев на основе антимасонской пропаганды начала XX века. Сегодня мифологема «политический антихрист» является выражением веры в наличие могущественных тайных сил, контролирующих работу политических и экономических международных организаций, коллективный глобальный антихристианский заговор невидимых кукловодов (мифологема «тайное мировое правительство» четко коррелирует с мифологемой политического антихриста). Поэтому конспирологический миф является необходимым семиотическим контекстом существования мифологемы политического антихриста: именно он запускает специфические герменевтические механизмы, позволяющие интерпретировать действия международных организаций в эсхатологическом контексте.

Ключевые слова: социология религии, маргинальная религиозность, мифология, старообрядчество, религиозная ситуация, конспирология, политический антихрист.

Актуальность исследования

Современная религиозная ситуация, если ее анализировать с позиций герменевтического подхода, поражает обилием эсхатологических текстов, функционирование которых вовсе не ограничено пространством народной религиозности, тяготеющим к установкам мифологической культуры. Эсхатологический дискурс сегодня оказывается востребованным представителями различных страт религиозной культуры, а эсхатологическое содержание многие видят в нейтральных действиях властей (внедрение новейших информационных технологий в сферу обработки персональных данных, переписи, принятие некоторых законов), открытиях ученых, продукции прикладной науки. Проблеме грядущего апокалипсиса посвящаются интернет-публикации, на эту тему снимаются фильмы, записываются интервью, произносятся проповеди. Значительную роль эсхатологическая тематика играет на низовых коммуникативных уровнях народной религиозной повседневности: эсхатологические слухи активно воспроизводятся в форматах устного нарратива, распространяемого некоторыми религиозными активистами. Периодически эсхатологическое напряжение порождает социальное, которое разрешается в драматическом эскапизме. Все это свидетельствует о том, что исследование эсха-

тологического дискурса современной низовой религиозной культуры обладает актуальным значением для религиоведения и социологии, а мониторинг роста эсхатологического напряжения в пространстве религиозной семиосферы необходим для предотвращения трагических последствий. Данная статья посвящена одному из проблемных вопросов современной эсхатологической мифологии, а именно изучению специфических герменевтических интерпретаций новозаветного образа антихриста, хорошо известного христианской культуре благодаря тексту Откровения Иоанна Богослова (далее – Апокалипсис).

Основные герменевтические паттерны апокалиптики

Апокалиптика сегодня не ограничена пространством низовой народной религиозной культуры, она активно воспроизводится кинематографом, художественной литературой. Однако проблематика художественной интерпретации эсхатологической темы выходит за рамки нашего исследования. Перед нами стоит более скромная задача – проанализировать герменевтическую специфику интерпретации апокалиптики в пространстве повседневной религиозной культуры, тяготеющей к формам маргинальной религиозности: художественные образы в этом

контексте интересны только в той степени, в которой они влияют на содержание концептов народной религиозной культуры. То, что это влияние существует, – несомненно: исследователи уже отмечали, что эсхатологическая тема в контексте «поучений» Славика Чебаркульского («Чебаркульского Отрока»)¹ в значительной степени клиширована по стереотипам, воспроизводимым в тогдашних мистических триллерах.

Образ антихриста, ключевой для христианского эсхатологического дискурса, на всем протяжении развития христианской культуры претерпевал изменения. Как справедливо отмечает А.С. Гришин, «во-первых, не завершена история, во-вторых, в Библии миф об антихристе дан сжато, пунктиром (нет его биографии, воспитания, пути к богоборчеству и мн. др.), что дает возможность художнику, философу, историку, богослову и рядовому человеку уточнять, детализировать, дополнять, модернизировать этот миф применительно к современности, то есть вступить на путь сотворения своего современного мифа об антихристе» [1, с. 14]. Анализируя основные герменевтические паттерны, согласно которым происходила его интерпретация, мы можем выделить наиболее устойчивые:

1. Антихрист как личность.
2. Антихрист как носитель высшей власти (например, папа римский, император).
3. Антихрист как государство.

Сегодня на маргиналиях религиозной семиосферы происходит активное формирование нового герменевтического паттерна, который по аналогии с «духовным антихристом» некоторых старообрядческих согласий мы условно определим как «политический антихрист». Последний реализует свои мрачные и зловещие замыслы, управляя политическими и социальными процессами. «Политический антихрист» локализуется в современных политических системах и организациях, с которыми он практически отождествляется.

Мифологема о политическом антихристе: проблема генезиса

На формирование мифологемы о политическом антихристе оказали влияние современные глобализационные тенденции, активное внедрение информационных технологий и электронных средств учета и обработки персональных данных, что в совокупности продуцирует напряжение религиозной ситуации. Консервативным установкам религиозной культуры вообще свойственно с недоверием воспринимать любые масштабные реформы, если их влияние так или иначе оказывается ощутимым в про-

странстве социума. Так, уже в XVI в. в русской теологической культуре формируются представления о том, что любая инновация является движением к антихристу, эти представления проявились в решениях Стоглавого собора (1551 г.) [2, с. 71], позднее ставших одним из авторитетов для старообрядцев различных согласий. Поэтому же и реформы Петра I, направленные на создание регулярного государственного аппарата, изменение паттернов культуры повседневности и реформирование церкви, породили многочисленные эсхатологические мифы – от «подмененного царя» до «царя-антихриста», который «государство все разорил» [3, с. 160]. Даже такие нейтральные мероприятия власти, как паспортная реформа или перепись населения, становятся мощным катализатором эсхатологического мифотворчества. В свете сказанного можно предположить, что старообрядческая мифологема о духовном антихристе, согласно которой антихрист «духовно» уже утвердился в правящей церковной и светской власти, во внешнем мире» [4, с. 81], является одним из источников формирования современной мифологемы о политическом антихристе. Представление о духовном антихристе, в свою очередь, стало результатом развития свойственных раннему старообрядчеству представлений о том, что мир «является результатом действий одержавшего верх дьявола, воцарившегося в мире, жить в мире и не заразиться его злом невозможно, поэтому частицы антихристовой печати лежат на каждом человеке» [5, с. 83]. Однако в рамках старообрядческого дискурса сформировался сугубо национально-территориальный мифологический хронотоп антихриста: образ последнего интерпретировался в координатах национальной религиозно-политической ситуации, причем при помощи бинарных оппозиций, свойственных мифологическому мировосприятию [6]. Если сформировавшаяся в дореформенный период идеологема «Москва – третий Рим» предполагала, что пришествие антихриста связано с падением «Рима древнего», а в знаменитой «Книге о вере» утверждается, то предшественником антихриста является папа римский, то уже в старообрядческом дискурсе интерес к интерпретации антихриста в контексте не только российской, но и всей мировой истории ослабевает. И сам антихрист, и его пришествие и воцарение в старообрядческом дискурсе интерпретируется преимущественно применительно к событиям российским.

Отчасти это было связано с тем, что для мировосприятия раннего старообрядчества западный мир не представлял ценности и мало интересовал ревнителей древнего благочестия, от-

части – со свойственными позднему старообрядчеству тенденциями к эскапизму и политикой государства, направленной на подавление старообрядчества и маргинализацию его институтов. Совокупное действие этих факторов неизбежно ограничивало пространство старообрядческого дискурса.

Политический антихрист как конспирологический концепт

Если «духовный антихрист» старообрядческих беспоповских согласий представляет собой преимущественно «национальное» явление, то современная мифологема политического антихриста раскрывается в пространстве хронотопа, претендующего на вселенскость. Однако интерпретация этой «вселенной» оказывается мифологической и конспирологической. И здесь мы видим второе существенное различие двух анализируемых мифологем, которое коренится в степени проработанности конспирологических концептов. В принципе нужно сказать, что конспирологический миф чужд старообрядческой духовной культуре или же в ней он представлен в самых рудиментарных формах. Так и «классическая» мифологема «подменный царь», будучи продуктом конспирологического творчества, на самом деле не получает особого развития в старообрядческой традиции: вопросы о том, кто и каким образом осуществил подмену, остаются неразработанными. Для успешного выполнения этой мифологемой этиологической функции достаточно утверждения о том, что царя подменили некие «враги», при этом никакие детали подмены не раскрываются и не прорабатываются: подменили, и всё. Данная мифологема в эсхатологическом дискурсе вовсе не является центральной, ее значение сугубо прагматическое – объяснить происходящее с точки зрения традиционной культуры, которая не может смириться с предположением, что «природный царь» является инициатором «антихристовых новаций».

Напротив, мифологема политического антихриста оказывается весьма продуктивной в плане развития конспирологического дискурса. Политический антихрист является выражением и олицетворением действия могущественных тайных сил, контролирующих работу политических и экономических международных организаций, фактически он является продуктом коллективного глобального антихристианского заговора невидимых кукловодов (мифологема «тайное мировое правительство» четко коррелирует с мифологемой политического антихриста). Конспирологический миф является необ-

ходимым семиотическим контекстом существования мифологемы политического антихриста: именно он позволяет запустить специфические герменевтические механизмы, позволяющие интерпретировать действия международных организаций в эсхатологическом контексте. В свете сказанного представляется вполне обоснованным рассматривать антимасонскую политическую мифологию начала XX века как первоначальный этап становления мифологемы о политическом антихристе.

Воспроизведение мифологемы политического антихриста в дискурсе маргинальной религиозности обладает выраженным перлокутивным воздействием, обеспечивающим не только консервацию коммуникативной группы, предупреждающую ее распад, но и управление поведением людей. Так, перлокутивный эффект эсхатологической проповеди печально знаменитого Петра Кузнецова состоял в радикальном изменении образа жизни его последователей, удалившихся в итоге в добровольный затвор (знаменитые «пензенские затворники»)², что отчасти сравнимо с радикальными формами старообрядческого эскапизма. Эсхатологический дискурс, особенно те его элементы, которые реализуют профетическую, дебитивную, равно как и императивную модальность, способны произвести значительный перлокутивный эффект.

Политический антихрист: семантика образа

Образ политического антихриста, часто представленный в дискурсе при помощи семиотических и риторических конструкций, аллегорий и метафорических цепочек, формирует модальность страха, которая еще более усиливает иллюкативную силу эсхатологического нарратива.

Используя современную теорию семиотического дрейфа, активно развиваемую отечественными специалистами в области семиотики религии [7, 8], и метод контент-анализа, мы можем выявить его основные семантические поля:

- международные политические и экономические организации;
- политические партии;
- масонские общества;
- информационные технологии;
- международные экуменические организации;
- транснациональные корпорации.

Семиотическая амбивалентность этих семантических полей проявляется в том, что они оказываются способными как выступать в качестве контекста раскрытия мифологемы, так и формировать ее понятийное ядро. Полагаю, что это зависит от тенденций семиотического дрей-

фа, полюсами которого в данном случае будут «метафора» и «символ». Если семантически значимый элемент в пространстве заданного мифологического семиозиса дрейфует в сторону метафоризации, семантическое поле утрачивает способность продуцировать эсхатологический дискурс и трансформируется в контекст, окружающий автономные эсхатологические концепты: политические события, социальные процессы и т.д. В этом случае провокативные заявления типа «ООН – коллективный антихрист», «Евросоюз – антихрист» реализуют не символический, но метафорический потенциал. Они не воспринимаются как утверждения, отождествляющие эти институты с образом апокалипсического антихриста, но являются выраженным эмотивным заявлением принципиальной враждебности перечисленных институтов христианству, при этом утверждение их онтологической связи с антихристом книги Апокалипсиса в намерение говорящего не входит.

Дискурс политического антихриста характеризуется продуктивностью метафор войны, заговора, управления поведением и сознанием людей, которые усиливают перлокутивный эффект высказываний, придают эсхатологическим текстам повышенную эмотивность, формируют модальность страха. Страх перед войной, прочно укорененный в повседневном народном идеодискурсе, переносится таким образом на эсхатологические дискурсивные конструкты, например: «Идет духовная, официально не объявленная, информационная война», «Уже сейчас, пока подавляющее большинство людей, в том числе пастырей, духовно спит, идет самая настоящая, духовная битва с антихристом» [9]. Семиотический дрейф позволяет превращать эти метафоры в символы, усиливая их иллюкутивность и эмотивность.

Метафоры заговора менее подвержены семиотическому дрейфу, поскольку их семиотическое содержание более бедное. Семиотическая прагматика их употребления близка метафорам войны, поскольку страх перед тайными силами в общественном идеодискурсе не менее устойчив, нежели страх войны. Так, «заговорщики», например врачи-вредители, выполняют волю неких, всегда остающихся в тени «главных заговорщиков», которые и ассоциируются с антихристом. Иногда семантика заговора взаимодействует с имперским и даже сталинским мифом, сообщая последним эсхатологические коннотации – «это так называемое "дело врачей", когда, по наущению дьявола, слуги грядущего антихриста (и пошедшие у них на поводу предатели-иуды) в "белых халатах" (т.е. медицинские работники) в России убивали или

сильно повреждали здоровье новорожденных младенцев мужского пола. Так они думали убить грядущего Русского Царя. Но... эта попытка не удалась – Господь руками Иосифа Виссарионовича Сталина пресек осуществление этого замысла: часть этих "врачей"-людоедов в "белых халатах" – упрятали за решетку, часть по заслугам "поставили к стенке", остальные были вынуждены скрывать свою волчью натуру под прикрытием "белых халатов"» [10].

Метафоры могущества и управления поведением людей («зомбирование») интересны тем, что они явно корреспондируются с дискурсом художественной литературы и кинематографии (фантастика, фильмы ужасов, антиутопия). В качестве примера приведем фрагмент эсхатологической листовки, распространяемой одной из неканонических православных структур: «он (т.е. антихрист. – А.П.) уже воцарился в евросоюзе, щупальца его проникают всюду и невидимо отравляют мир, зомбируя человечество и лишая воли людей»³.

Богатство семиосферы дискурса политического антихриста не только усиливает его перлокутивность, но и обеспечивает его устойчивость. Семиотический дрейф выступает инструментом герменевтической адаптации содержания дискурса к условиям его воспроизведения (контекстам), что делает его содержание приемлемым для представителей различных субкультур, ориентированных на православный паттерн.

Примечания

1. Крашенинников Вячеслав Сергеевич (Славик Чебаркульский, Чебаркульский Отрок, Отрок Вячеслав), 1982–1993, мальчик, умерший в десятилетнем возрасте от онкологического заболевания. Вскоре после смерти сформировался неканонический культ, основанный на вере в то, что Вячеслав Крашенинников обладал даром целительства и предсказания. Тексты, приписываемые мальчику, содержат как эсхатологические мифологемы, так и сюжеты, заимствованные из произведений научной фантастики, многочисленные описания «чудес». В циркулярном письме митрополита Челябинского и Златоустовского Иова № 775 от 30.10.2007 говорится, что «культ поклонения «отроку Вячеславу» является самоизмышленным, содержит в себе элементы заурядного суеверия, кощунственного посягательства на учение Церкви и насаждается достаточно организованной группой антицерковно настроенных людей».

2. Речь идет о последователях религиозного фанатика и экстремиста, душевнобольного Петра Кузнецова, в октябре 2007 года добровольно удалившихся в строгий затвор в выкопанном ими подземном убежище на окраине села Никольское Пензенской области. Причиной затвора стало предсказанное П. Кузнецовым наступление в ближайшее время конца света. Во время затворничества, продолжав-

шегося около полугода, несколько человек умерли из-за невыносимых условий жизни в холодном и сыром подземелье. Группа «пензенских затворников» отличалась ярким неприятием ИНН, паспортов нового образца, ожиданием конца света и иными эсхатологическими страхами. В ноябре 2007 г. лидер затворников был признан душевнобольным и помещен в психиатрическую клинику, позднее некоторые написанные им тексты были внесены в список экстремистских материалов.

3. Листовка, озаглавленная «Тайна беззакония и новый мировой порядок», формат А4, размножена на ксероксе, без выходных данных и авторства, ориентировочно декабрь 2015 г. (Из собрания автора).

Список литературы

1. Гришин А.С. Общий смысл русского варианта мифа об антихристе // Вестник Челябинского государственного университета. 1994. Т. 2. № 1. С. 5–15.
2. Асонов Н.В. Формирование представлений о власти в политических доктринах старообрядчества // Власть. 2008. № 7. С. 71–75.
3. Обухова Ю.А. «Царь-антихрист» и «царевич-избавитель» в непригожих речах XVIII века как социокультурная предпосылка появления самозванцев // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Коричко. 2013. С. 159–161.
4. Журавель О.Д. Старообрядческая литературная утопия: русский вариант *civitas dei*? // *Universum Humanitarium*. 2016. № 1 (2). С. 78–93.
5. Рычкова Е.В. Символическая оппозиция «своего – чужого» пространств в художественном пространстве памятников словесности зауральских старообрядцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 83–87.
6. Прилуцкий А.М. К герменевтике старообрядческих эсхатологических представлений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 6. С. 191–199.
7. Лебедев В.Ю. Модель семиотического дрейфа в описании христианского религиозного ритуала // Полигнозис. 2004. Вып. 2. С. 30–38.
8. Сазонова Н.И. Визуальная антропология и новые подходы к исследованию религиозного культа: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (155). С. 202–207.
9. Святые угодники божии о последних временах [Электронный ресурс] / Л. Очай, сост. URL: <https://nasledie77.wordpress.com/2014/12/12/святые-угодники-божии-о-последних-вре/> (дата обращения: 05.01.2017).
10. Александров М. Чем Иосиф Виссарионович Сталин заслужил вечную память русского богоизбранного народа? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2009/dec/n625.html> (дата обращения: 05.01.2017).

«POLITICAL ANTICHRIST». THE SEMIOTICS OF THE MYTHOLOGEM AND IMAGE

A.M. Prilutskii

Herzen State Pedagogical University of Russia

The article deals with the study of the specific hermeneutical interpretations of the New Testament image of the Antichrist that arise from the Book of Revelation (the Apocalypse). The author demonstrates that the doctrine of the political Antichrist has been formed as an analogy to the doctrine of the spiritual Antichrist held by the Old Believers, on the basis of anti-mason propaganda in the early 20th century. Nowadays, the «political Antichrist» mythologem is an expression of belief in the existence of some mighty secret forces controlling the functioning of international political and economic organizations, the existence of the collective global anti-Christian conspiracy of the invisible puppeteers (the mythologem of the «secret world government» clearly correlates with the mythologem of the political Antichrist). That is why the conspirological myth is a necessary semiotic context for the existence of the «political Antichrist» mythologem: it gives an opportunity to activate special hermeneutical mechanics, enabling the interpretation of actions of international organizations in the eschatological context.

Keywords: sociology of religion, marginal religions, mythology, Old Believers, religious situation, conspiracy theories, political Antichrist.